

**РЕЧИ ДИРЕКТОРА
ГИМНАЗИИ**

29 СЕНТЯБРЯ 1809 г.

Всемилоостивейшие распоряжения повелевают мне при вручении наград, которыми *высочайшее правительство* в знак одобрения, а еще более в виде поощрения удостоивает учеников, отличившихся своими успехами, осветить в моей речи историю гимназии за истекший год и коснуться того, говорить о чем будет полезно для взаимоотношения публики и гимназии. Я должен выполнить эту обязанность с величайшей почтительностью, поскольку призыв к этому заключается в самой природе темы и содержания, каковым является ряд *королевских* благодеяний или их следствий и в раскрытии какового состоит выражение глубочайшей благодарности за них, благодарности, которую мы вместе с публикой приносим правительству за высокую заботу об открытых учебных заведениях. Имеются две отрасли государственного правления, за хорошее ведение дел в которых народ обычно бывает в наибольшей степени признателен, это — доброе соблюдение правосудия и хорошие воспитательные учреждения; ведь гражданин не видит и не чувствует преимущества и влияния чего бы то ни было так непосредственно, близко и, в частности, на себе, как преимущество и влияние этих отраслей, одна из которых касается его частной собственности вообще, а другая — его самой дорогой собственности — его детей.

Здесь город тем живее осознал благотворительную пользу *нового школьного учреждения*, чем большей и всеобщей становилась потребность в переменах.

Далее, *новое учебное заведение* имело то преимущество, что оно следовало не *новым*, а *старым*, существовавшим многие столетия школам, поэтому с ним можно связывать имеющееся у нас представление продолжительности, непрерывного пребывания, и идущее навстречу нам доверие не смущается мыслью о том, что новое учреждение может оказаться чем-то преходящим, экспериментальным; мысль эта, если она попадает в головы тех, которым поручено непосредственное выполнение, способна действительно свести такое учреждение к простому эксперименту.

Внутренней же основой такого доверия является то, что новое учебное заведение при существенном улучшении и расширении в целом *сохранило принцип прежних* школ и тем самым является лишь их продолжением. Примечательно, что это обстоятельство составляет характерное отличие нового учреждения.

Так как оканчивающийся учебный год является первым и тем самым историей нашего учебного заведения этого года является историей его возникновения, то мысль об его общих планах и целях кажется нам слишком непосредственно близкой, чтобы мы могли бы отклониться от нее, направив свое внимание на частности. Ибо само это дело только что родилось, вызывает любопытство и побуждает к размышлениям. Кое-что известно из публикаций; часть же — отдельные детали, что и как, сколько учеников обучалось в этом году, содержится в школьном каталоге, напечатанном для публики. А потому да будет мне позволено в высоком присутствии *Вашего превосходительства* и этого высокопочтенного собрания придерживаться принципа нашего учреждения и изложить некоторые общие мысли о его положении, основных чертах и их смысле, насколько мне позволила сосредоточиться на этом моя занятость, связанная с исполнением должностных обязанностей именно в данный отрезок времени.

Дух и цель нашего учебного заведения — это *подготовка к занятиям наукой*, а именно подготовка, кото-

рая зиждется на изучении греков и римлян. Вот уже несколько тысячелетий, как они являются той почвой, на которой покоилась вся культура, на которой она возшла и с которой находилась в постоянной связи. Как природные организмы, растения и животные, вырываются из-под влияния силы тяжести, но не могут покинуть эту стихию своего существования, так и все искусство и наука выросли на этой почве, и, хотя они сами по себе стали самостоятельными, они не освободились от воспоминаний о той предшествующей стадии. Подобно тому как Антей получает прилив новых сил через соприкосновение с матерью-землей, всякий новый подъем и развитие науки и образования происходит из обращения к древности.

Но насколько важно сохранение этой почвы, настолько же существенно изменение условий, в которых она находилась когда-то. И если мы вообще начинаем осознавать несовершенство, недостатки старых принципов, учреждений и связанных с ними прежних целей и средств образования, то прежде всего появляется мысль устранить и отменить то и другое. Мудрость же правительства, возвышающегося над этой легко напрашивающейся мыслью, истиннейшим образом исполняет требование времени — тем, что ставит старое в новое отношение к целому и, таким образом, столь же сохраняет существенное, сколь изменяет и обновляет его.

Мне достаточно лишь в немногих словах напомнить о том известном положении, которое занимало прежде изучение латинского языка; последнее не только считалось моментом научной подготовки, но и составляло существенную часть ее и было единственным средством более высокого образования, которое предлагалось всякому, кто не хотел останавливаться на общем, элементарном; для получения других знаний, полезных для жизни в обществе или имеющих ценность сами по себе, едва ли были приняты сколько-нибудь значительные меры, все было предоставлено изучению этого языка, независимо от того, что и в какой мере усваивалось из этих знаний; такие знания считались отчасти особым искусством и не были одновременно средством обра-

зования, а в большей степени были окутаны этой языковой оболочкой.

Поднялся всеобщий голос протеста против такого ставшего злополучным изучения латыни, в частности появилось чувство, что нельзя считать образованным народ, который не может выразить всех сокровищ науки и свободно оперировать с любым содержанием на своем собственном языке. Той проникновенности, с которой принадлежит нам наш собственный язык, нет в знаниях, данных нам только на чужом языке; они отделены от нас перегородкой, которая не позволяет им быть своими для духа.

Эта точка зрения отмела ошибочные, зачастую выродившиеся в сплошной формализм методы, устранила упущения в приобретении многих важных практических знаний и духовных навыков, постепенно освободила знание латинского языка от его притязаний на роль основной науки и лишила его давно утвердившейся за ним чести быть общим и почти исключительным средством образования. Оно перестало считаться целью, и, больше того, этому занятию духа пришлось увидеть, что над ним взяли верх так называемые предметы, а среди них повседневные чувственные вещи, не способные представлять собой материал для образования. Не вдаваясь в эти противоречия и их дальнейшие определения, их преувеличения или внешние коллизии, ограничимся здесь тем, что возрадуемся мудрому положению, которое установило наше *высочайшее правитель-ство*.

Оно, во-первых, расширило образование граждан путем *усовершенствования немецких народных школ*; благодаря этому всем предоставляются средства изучить все существенное для каждого как человека и полезное для него как представителя своего сословия; тем же, кто до сих пор был лишен возможности получить хорошее образование, такая возможность предоставляется; а для тех, кто ради получения более высокого образования, чем недостаточное общее, мог прибегнуть лишь к вышеназванному средству образования, оно становится менее нужным и заменяется более целесообразными знаниями и навыками. Здешний город также

с надеждой ожидает этой совершенной системы образования как уже оказанного большей части королевства благоденствия, важные последствия которого едва ли можно переоценить.

Во-вторых, изучение наук и приобретение более высоких духовных и полезных навыков, *вне зависимости от древней литературы*, получило свое совершенное средство в соответствующем родственном учебном заведении.

В-третьих, наконец, *изучение древних языков сохранилось*. Отчасти оно, как и прежде, открыто для каждого человека как средство более высокого образования, отчасти же оно стало прочной основой научного образования. Став в ряд с другими средствами образования и научными методами, оно потеряло свою исключительность и, может быть, погасит ненависть к своим прежним притязаниям. Отойдя в сторону, изучение древних языков тем более имеет право на самостоятельное развитие в своей обособленности и на то, чтоб оставаться в дальнейшем свободным даже от чуждого вмешательства.

Благодаря этому выделению и ограничению оно получило свое истинное место и возможность свободнее и полнее развиваться. Подлинный признак свободы и силы органической системы состоит в том, что различные моменты, содержащиеся в ней, углубляются в самих себе и становятся самостоятельными, каждая без зависти и страха делает свое дело и видит успехи других, причем все они лишь части одного великого целого. Лишь то, что приходит к совершенству своего принципа в своей обособленности, становится последовательным целым, то есть из него получается *нечто*; последнее обретает глубину и энергичную возможность многосторонности. Опасение и боязнь односторонности слишком часто бывают признаком слабости, которая способна лишь на разностороннюю непоследовательную поверхностность.

И если теперь изучение древних языков, как и прежде, остается основой научного образования, то и при нынешнем ограничении на него приходится важная функция. Поставить на собственные ноги культуру,

искусство и науку какого-либо народа, — несомненно, справедливое требование. Можем ли мы, что касается образования нового мира, нашего просвещения и успехов всех искусств и наук, не считать, что они истоптали уже детские башмаки Греции и Рима, слишком выросли для прежних помочей и могут опираться на собственную почву? Пусть у произведений древних всегда остается большая или меньшая ценность, но им следовало бы отойти в область воспоминаний, праздных достопримечательностей науки, в разряд только исторического, которое можно было бы принимать или нет, но которое не должно бы само по себе составлять основу и начало для нашего более высокого состояния духа.

Однако если принять, что исходить следует вообще из совершенного, то для более высокого образования должна быть и оставаться основой преимущественно литература греков и затем литература римлян. Совершенство и великолепие этих шедевров должны стать духовной купелью, светским крещением, придающим душе первые и остающиеся навсегда основные тона и краски во вкусе и науке. Для такого посвящения недостаточно общего внешнего знакомства с древними, мы должны сжиться с ними, впитать в себя их воздух, их представления, их нравы и даже, если угодно, их заблуждения и предрассудки и чувствовать себя как дома в этом мире, лучшем из тех, что были. Если первый рай был раем *человеческой природы*, то этот, второй — рай *человеческого духа*, который в своей прекрасной естественности, свободе, глубине и веселости выступает, как невеста из своей светелки. Первое буйное великолепие его появления на горизонте передано прелестью формы и укрощено в красоте; его глубина — не в запутанности, унынии или надменности, а в непринужденной ясности; его веселость — не детская игра, она простирается над печалью, что знает тяжесть судьбы, но не вытесняется ею из свободного парения над ней и из знания меры. Мне кажется, что я не слишком преувеличу, если скажу, что тот, кто не знал произведений древних, жил, не зная красоты.

И вот в этом элементе образования, благодаря тому, что мы сживаемся с древней культурой, не только все

силы души приводятся в движение, развиваются и упражняются, но и сама она представляет собой *своеобразный материал*, благодаря которому мы обогащаемся и уготовляем себе лучшую субстанцию.

Как было сказано, *деятельность духа* может упражняться на *любом материале*, и в качестве самого целесообразного явились отчасти внешне полезные, отчасти чувственные предметы, которые суть самые подходящие для юношеского и детского возраста, поскольку они относятся к кругу и виду представлений, свойственных этому возрасту самому по себе.

Если даже упражнение отделимо от круга относящихся к нему предметов, если даже оно безразлично к этому кругу, — как, возможно, все формальное отделено от материи (а, возможно, это и не так), — то ведь дело совсем не в одном упражнении. Подобно тому как растение не просто упражняет силы своего воспроизводства на свету и воздухе, но одновременно в этом процессе всасывает [продукты] питания, то и материал, на котором разум и способности души вообще развиваются и упражняются, должен быть одновременно таким питанием. Это не тот, так называемый полезный, чувственный материал, который непосредственно попадает в круг представлений ребенка; лишь духовное содержание, имеющее ценность и интерес в себе и для себя, укрепляет душу и создает такую непосредственную опору, такую *субстанциальную сердцевину*, которая есть мать самообладания, благоразумия, присутствия и неусыпности духа; оно превращает взращенную на ней душу в ядро, имеющее самостоятельную ценность, абсолютную цель; лишь оно составляет фундамент всеобщей пригодности, и его нужно закладывать во всех сословиях. Разве мы не видели в последнее время даже целые государства, которые не обращали внимания и пренебрегали тем, чтобы создавать и развивать такую внутреннюю основу в душе своих подданных, направляли их на чистую полезность, а в духовном видели лишь средство; они, не имея опоры, находятся в опасности рухнуть среди своих многих полезных средств.

И вот самый благородный питающий материал в самой благородной форме — золотые яблоки в серебряных чашах — содержится в произведениях древних в несравненно большей степени, чем в любых других произведениях какого-либо времени и нации. Мне достаточно напомнить лишь о величии их образа мыслей, об их пластической, свободной от всякой моральной двусмысленности добродетели и любви к отечеству, о величии их деяний и характеров, о многообразии их судеб, обычаев и расположении духа, чтобы оправдать утверждение, что ни в каком материале образования не было объединено так много превосходного, удивительного, оригинального, многостороннего и поучительного.

Однако это богатство связано с *языком*, и только благодаря ему и в нем мы можем постичь его в его полном своеобразии. Переводы передают нам содержание, но не форму, не его тончайшую душу. Они подобны искусственным розам, которые по форме, цвету, а также, может быть, по запаху могут походить на живые, но они не имеют приятности, нежности и мягкости живого. И вообще изысканность и изящество копии присущи только ей самой, и в ней дает о себе знать контраст между содержанием и формой, которая выросла не вместе с этим содержанием. Язык — это музыкальная стихия, стихия проникновенности, исчезающий в переводах, это тонкий аромат, благодаря которому можно наслаждаться симпатией души, и без него произведение все равно что выдохшийся рейнвейн.

Это обстоятельство налагает на нас кажущуюся тяжелой необходимость основательно изучать языки древних, овладеть ими, чтобы иметь возможность наслаждаться произведениями с возможной полнотой всех их сторон и преимуществ. И если бы мы стали жаловаться на усилия, которые необходимо употребить на это, бояться или сожалеть, что поэтому приходится отставлять на задний план приобретение других знаний и навыков, то мы должны были бы жаловаться на судьбу, которая не послала нам на нашем родном языке этих классических произведений, что сделало бы трудное путешествие в древность ненужным и дало бы нам замену этих ценностей.

После сказанного о *материале* образования я хотел бы сказать еще несколько слов о *формальном*, заключенном в природе этого материала.

Дело в том, что прогресс образования нельзя рассматривать как спокойное наращивание некоей цепи, в которой последующие звенья соединены с предыдущими с учетом последних, но сделаны из другого материала, причем последующая работа не идет вразрез с предшествующей. Образование же должно иметь прежний материал и предмет, над которым оно работает, изменяет его и формирует заново. Необходимо изучить античный мир так, чтобы владеть им и, более того, иметь его как что-то, над чем мы работаем. А чтобы стать *предметом*, субстанция природы и духа должна отойти от нас, получив форму чего-то чуждого. Несчастен тот, у кого отчуждается его непосредственный мир чувств, ибо это означает, что индивидуальные узы, которые свято соединяют ум и мысль с жизнью, с верой, любовью и доверием, у него разрушаются! Для отчуждения [Entfremdung], являющегося условием теоретического образования, требуется не такая нравственная боль, душевное страдание, а более легкое испытание и усилие представления, чтобы заниматься не-непосредственным, чуждым, принадлежащим воспоминанию, памяти и мышлению. Но это требование отделения настолько необходимо, что оно выражено в нас самих как всеобщее и известное стремление. Чуждое, даль несет с собой притягательный интерес, манящий нас к занятию и старанию, желательное находится в обратной зависимости от своей близости к нам и от того, насколько оно является общим с нами. Молодежь почитает за счастье уйти из дома и пожить на далеком острове вместе с Робинзоном. Искать глубину прежде всего в форме дали — неизбежное заблуждение. Но и достигаемая нами глубина и сила могут измеряться удалением, на которое мы вырвались из центральной точки, где сначала были и куда снова стремимся.

И на этом центробежном стремлении души основывается вообще необходимость дать ей отделиться от своего природного существа и состояния, к чему она и

стремится, вселяя в молодой дух далекий, чужой мир. Но такой перегородкой, с помощью которой осуществляется это отделение для образования, о чем здесь идет речь, является мир и язык древних, мир же этот, отделяющий нас от самих себя, содержит одновременно все исходные моменты и нити возвращения нас к самим себе, но в виде истинно всеобщей сущности духа.

Если эту всеобщую необходимость, которую мир представления приемлет в качестве языка, как такового, мы обратим на изучение последнего, то само собой становится ясно, что механическая сторона этого изучения представляет собой нечто иное, нежели просто неизбежное зло. Ибо механическое есть неизвестное духу, для которого интересно переварить вложенный в него сырой материал, осмыслить еще не одухотворенное в нем и сделать его собственным достоянием.

С этим механическим моментом овладения языком связано непосредственно *изучение грамматики*, значение которого трудно переоценить, ибо оно составляет начало логического образования; это одна сторона, которой я еще коснусь, потому что она, кажется, почти предана забвению. Дело в том, что грамматика имеет своим содержанием категории, своеобразный продукт и определения рассудка; в ней, следовательно, начинается изучаться сам рассудок. Эти наиболее духовные сущности, с которыми мы знакомимся прежде всего, в высшей степени доступны для юношества, и, пожалуй, нет ничего духовного, что было бы более доступно, чем они, так как еще не развитые силы этого возраста не в состоянии воспринимать богатство духа в его многообразии. Грамматические же абстракции совсем просты. Они словно отдельные буквы, а именно гласные духовного, с которых мы начинаем, чтобы складывать слоги и потом научиться читать. Далее, грамматика преподносит их также в приемлемом для этого возраста виде, поскольку учит различать их с помощью внешних вспомогательных признаков, которыми язык в большинстве случаев располагает сам; чтобы иметь возможность лучше, чем любой другой, различать красное и синее, не основываясь на определении этих цветов ньютоновской гипотезой или иной теорией, первоначально

достаточно и чрезвычайно важно, чтобы обращалось внимание на эти различия. Ибо если определения рассудка, раз мы мыслящие существа, *имеются в нас* и мы понимаем их непосредственно, то первое образование состоит в том, чтобы *иметь их*, то есть сделать их предметом сознания и уметь различать по признакам.

Поскольку с помощью терминологии грамматики мы учимся двигаться в абстракциях и это занятие можно считать изучением элементарной философии, то в сущности оно является не только средством, но и целью на уроках как латинского, так и немецкого языка. Всеобщее, поверхностное, легковесное суждение, к искоренению которого необходимо было отнестись со всей серьезностью и изгнание которого было сильным потрясением, пережитым нами, исказило всюду, в том числе и здесь, отношение средства к цели и материальное знание языка поставило выше интеллектуальной стороны в его овладении. Изучение грамматики *древнего* языка имеет одновременно то преимущество, что оно есть постоянная и непрерывная деятельность разума, поскольку здесь, в отличие от родного языка, где привычка без размышления дает правильные сочетания слов, необходимо учесть определенное значение частей речи, определяемое рассудком, и призвать на помощь правила для их соединения. Но тем самым и происходит постоянное подчинение особенного общему и обособление общего, в чем ведь и состоит форма деятельности рассудка. Строгое изучение грамматики оказывается, таким образом, одним из самых общих и благороднейших средств образования.

Все это вместе, изучение древних на их своеобразном языке и занятие грамматикой, составляет *основные черты принципа*, которым *характеризуется наше заведение*. Однако это *важное* достояние, как ни богато оно само по себе, не включает всего объема знаний, в которые вводит наше подготовительное учебное заведение. Помимо того что чтение древних классиков выбирается так, чтобы предоставить поучительное содержание, наше заведение включает в преподавание также ряд других предметов, которые имеют ценность в себе и для себя, особенно полезны или украшают человека.

Мне достаточно здесь лишь назвать эти предметы; об их объеме, принципе их преподавания, последовательности в них самих и в их отношениях к другим, об упражнениях, связанных с ними, можно подробнее узнать из отчета, распространяемого в печатном виде. В общем таковыми предметами являются: религия, немецкий язык наряду с ознакомлением с отечественными классиками, арифметика, позже алгебра, геометрия, география, история, физиография, включающая космографию, историю природы и физику, философскую пропедевтику, затем французский (для будущих теологов также древнееврейский), рисование и каллиграфию. Сколь мало пренебрегается всеми этими знаниями, явствует из простого расчета, что — если не дать названные последними четыре предмета — время занятий во всех классах распределяется точно *поровну* между предметами, названными сначала, и древними языками; при включении же упомянутых четырех предметов в расчет часов на изучение древних языков приходится не половина, а лишь две пятых всего учебного времени.

В этом первом истекшем учебном году главным делом было получить возможность начать работать. Во втором учебном году можно будет обстоятельнее и больше заняться отдельными отраслями, определить и сформировать их как предмет изучения, например, начальные основы физики, а высочайшая милость *его королевского величества*, как мы того с верой и упованием ожидаем, будет нам в том содействовать. На пути к устранению недостатков находятся также и упущения, относящиеся к внешнему устройству и созданию приличного вида (у самих муз незначительные потребности, и здесь они не избалованы), к осуществлению дисциплинарного надзора вне заведения (природа здешнего характера и заинтересованность родителей в благовоспитании своих детей облегчают эти заботы), и другие второстепенные потребности.

Общее воздействие *высочайших* благосклонных распоряжений, благосклоннейшего надзора и деятельности *Королевского генерального комиссариата*, достойное их усердие учителей в этом первом году — все это публика имела возможность оценить на открытых экзаменах.

Последним актом, завершающим этот год, является данное торжество, которым *всемиловейшее правительство* прибавляет к своим деяниям еще момент уважения и публичного признания успехов учеников.

Часть из Вас, господа, уже получила, как знак всемиловейшего удовлетворения, позволение поступить в университет; причем Вы видели, что око *правительства* взирает на Вас; будьте уверены, оно и впредь не оставит Вас, Вы должны будете дать правительству отчет о проведенных годах учения и о милостивом дозволении поступить в королевские заведения, при этом для Ваших талантов и применения их в нашем отечестве открыт любой жизненный путь, но вступить на него можно только по заслугам. Славно продолжайте в университете дело, которое Вы здесь начали. Большинство из Вас впервые покидают отчий дом. Уже однажды Вы отделялись от груди матери, впервые вступая в жизнь, подобно этому и теперь Вы разлучаетесь с семьей, делая первый шаг в самостоятельную жизнь. Юность смотрит вперед, но *не забывайте* при этом оглянуться назад, помните о благодарности, любви и обязанностях в отношении Ваших родителей.

Мнение учителей о каждом учащемся будет зачитываться в присутствии всех учителей и учеников класса. Эта оценка по желанию родителей может быть выдана в письменной форме. Краткий результат этой оценки — соответствующее место по успеваемости, установленное совещанием учителей и утвержденное ректоратом, которое каждый занимает согласно своим успехам среди своих соучеников. Порядковый номер этих мест является свидетельством того, чего каждый из вас уже достиг. Оно будет объявлено здесь публично и затем напечатано. Торжественнее будет награждение тех, кто особо выделился среди своих соучеников и кого сейчас ожидает награда и приз из рук *его превосходительства господина Генерального комиссара*. Примите его как знак удовлетворения тем, чего Вы достигли за это время, а еще более, как поощрение Вашего будущего поведения, как честь, которая выпала Вам на долю, и, наконец, как ожидание дальнейших

Ваших стараний, как более высокие, предъявляемые Вам права Ваших родителей, Ваших учителей, отечества и *высочайшего правительства*.

2 СЕНТЯБРЯ 1813 ГОДА

Уже сам по себе конец учебного года, а также и высочайшие приказы требуют в заключение окинуть взором то, что было сделано и что произошло в течение года, рассмотреть результаты работы за год. Истекший год *для учебного заведения* — это только некоторое время, *для учителей* — новый круг их деятельности, *для учеников* же — это по преимуществу движение вперед, поднимающее их на новую ступень. Так как вышедший из печати годовой отчет содержит все, что можно причислить к событиям нашего учебного заведения в истекшем году, то здесь не требуется много слов.

Великое счастье учебного заведения, если у него нет истории, а есть только длящееся пребывание. «Лучшее убивает хорошее», — гласит мудрая пословица; она говорит, что стремление к лучшему, когда оно становится страстью, не дает развития и не дает достичь зрелости хорошему. Если законы и установления, которые должны составлять прочную основу для изменяемого, сами изменяются, на что же будет опираться само изменяемое? Конечно, общие установления находятся в состоянии движения вперед, но движение это медленное. Один год здесь не имеет значения. Их изменения характеризуются большими, немногочисленными эпохами. Если какое-либо правительство может претендовать на благодарность своих подданных за *улучшения*, то подданные должны быть ему также признательны за *сохранение* целесообразных установлений, уже находящихся в действии. Точно так же наше заведение не имело истории за истекший год. Уже известное его устройство, за исключением уточнения определений по некоторым формальным вопросам, осталось прежним.

В *истории преподавательского персонала* следует отметить тяжелую утрату, которую мы понесли в лице вспомогательного учителя Линка, имеющего большие

заслуги и исполнявшего свои обязанности добросовестно и с усердием. Ученики были к нему сердечно привязаны. Лишь несколько дней назад они пролили слезы преданности на его могиле. Однако молодежь шагает вперед, и в ней чувство притока жизни берет перевес над чувством утраты, и преимущественно пожилые родственники и друзья ощущают невозвратимое в потере этого дорогого человека.

Оттого что юношеские годы в основном являются годами движения вперед, то главным образом для них прошедший год — еще одна *новая важная ступень*. Те, кто заслужил этого, переходят в следующий класс, к более сложным занятиям, к другим учителям. Это общая награда, которую нужно *заслужить* вниманием и прилежанием, и на этом я немного останавлиюсь. Дело в том, что не всегда ученики по истечении определенного времени неизбежно переходят в следующий класс, каким бы ни представлялось им самим их поведение и успехи. Учителя, если бы они думали только о себе, охотно бы освободились от таких учеников, с невнимательностью, леностью и прочими недостатками которых они должны были бороться уже в течение года. Но более высокие соображения налагают на них обязанность, вопреки тому, что было бы приятнее им, вопреки ожиданиям учеников и, может быть, также и родителей, переводить в следующий класс только по заслугам. Те, кто здесь учится, посвящают себя преимущественно государственной службе. Открытые учебные учреждения являются главным образом питомниками для слуг государства; эти учреждения ответственны перед правительством за то, что выпускают непригодных для него лиц, равно как и перед родителями за то, что подают необоснованные надежды, которые впоследствии все равно не сбываются и лишь могут повлечь за собой напрасные затраты и упущенные возможности более целесообразного образования.

Далее, родители оказались бы в величайшем противоречии, если бы они, с одной стороны, захотели — а они хотят этого безусловно, — чтобы достойные священники были бы их духовниками и проповедниками, чтобы приговор выносили благоразумные и справедли-

вые судьи, чтобы для совета о состоянии здоровья находились бы искусные врачи и чтобы вообще их общественное благо находилось в руках людей рассудительных и справедливых, и если бы, с другой стороны, они потребовали, чтобы их неумелые сыновья достигали таких должностей и дел и впоследствии были допущены к ним.

Эту более высокую цель нужно иметь в виду уже в государственных учебных заведениях, которые являются одной из подготовительных ступеней для такого назначения. Произвол учебных советов и учителей, равно как и родителей, идет вразрез с этим более высоким назначением.

Но обязательный перевод в следующий класс без соответствующей этому классу подготовки был бы скорее вредным также непосредственно для самих учеников. Нетрудно понять, что для их собственной пользы они, в соответствии со своей подготовкой, дольше, чем можно было бы, задерживаются в одном классе. Ибо, не будучи подготовленными для занятий в следующем классе, начиная их без соответствующей базы, они не овладели бы большей частью материала и, более того, в дальнейшем все больше отставали бы, вместо того чтобы продвигаться вперед. Напротив, они смогли бы действительно принимать участие в занятиях на прежней ступени и благодаря этому идти вперед. Предоставить им возможность занять более высокие места среди новых соучеников означает более бережное и одновременно побуждающее к успехам отношение к ним, чем оставить их среди прежних, опередивших их учеников, среди которых они всегда будут отстающими, что, по-видимому, было бы более угнетающим для них. Пусть это оставление в прежнем классе будет для них стимулом для большей заботы об учебе, чтобы оправдать надежды своих родителей и вознаградить старания своих учителей.

Двухгодичное пребывание во многих классах и без того является законным. Быть переведенным через один год — это особое отличие, а быть в классе на один год дольше не означает быть оставленным.

*Важнейшей же ступени достигли те, для кого истекший учебный год был последним годом пребывания в гимназии и кто теперь уходит в университет для выполнения своего ближайшего предназначения. В новой сфере, в которую Вы, господа, вступаете, Вы убедитесь, какие плоды приносят с пользой проведенные занятия в гимназии. Я смею публично засвидетельствовать, что Вы были прилежны в течение всего времени и по собственному побуждению брались за учебные предметы и овладевали ими и что поэтому Ваши учителя выполняли свою работу не только по должности, но и благодаря Вашим стараниям с удовольствием. Навыки и знания, полученные Вами в гимназии, круг предметов, которыми Вы занимались, являются средством для Вашей будущей профессии; но я смею думать, что интерес к этим предметам, заслуживающим того, утвердился в Вас как таковой. Отношение между обучением в гимназии и научной профессией я хочу обрисовать в нескольких словах. В изучении древних, этом замечательном предмете гимназического обучения, находятся *начала и основные представления* наук или всего вообще достойного знания, а поэтому они так хорошо подходят для *подготовки к профессиональной отрасли знания*, а если иметь в виду изящные искусства, то древние — это их *совершенство*. Вообще их своеобразие в том, что у них абстрактные рефлексии оказываются еще вблизи конкретного, что понятие образуется из примера, представления человеческих вещей *по их действительности* составляют основу, которая выступает одновременно со *всеобщим результатом*. У абстрактной мысли поэтому — свежесть живого, мы получаем ее в ее наивности, связанной с личным чувством и с индивидуальностью обстоятельств, из которых она происходит; поэтому она имеет своеобразную ясность и понятна нам.*

Полнота конкретного присуща как форме, так и содержанию, а именно содержание касается человеческой жизни вообще и преимущественно общественной жизни. То, что по духу нового времени ускользает от нашего созерцания и участия, — страсти, деяния и усилия народов, великие отношения, составляющие спаян-

ность гражданского и морального порядка, на чем зиждется жизнь государств, состояние и деятельность индивида, — все это оживает перед нашим взором. Классическое время находится на золотой середине между грубой добротностью нации в ее бессознательном детстве и утонченным рассудком образования, который все проанализировал и все содержит в обособлении. В этом последнем состоянии внутренняя жизнь целого в виде абстрактного духа вышла из ума индивидов; всякий индивид получает лишь частичное отдаленное участие в нем, ограниченную сферу, *выше* которой стоит душа, учитывающая все колесики и особенные движения и осуществляющая единство; последние не имеют чувства и представления о деятельности целого.

Посвящая себя вообще определенной профессии, мы отдаляемся от представления о целом, связываем себя с ограниченной частью. Идеал юношества — безграничность, действительность они называют печальной, потому что она не соответствует такой бесконечности. Но у деятельной жизни, действительности, у характера есть то существенное условие, что они фиксируются в определенной точке: «Кто хочет великого, — говорит поэт, — тот должен уметь ограничить себя». Однако уровень, которому мы посвящаем себя в наше время, является менее всеобъемлющим, чем у древних. Мы утрачиваем жизнь в целом в том более широком смысле, какой был у них при определенной профессии. И оттого что мы люди, разумные существа с заложенной в нас основой бесконечного и идеалов, тем важнее для нас создать и сохранить в себе представление и понятие полной жизни. В это представление нас вводит преимущественно *изучение классической древности* (*studia humaniora*); оно дает *близкое* представление обо всем человеческом в целом. Свобода, присущая древним государствам, внутренняя связь между общественной и частной жизнью, между общественными взглядами и образом мысли личности влекут за собой то, что великие интересы индивидуальной гуманности, важнейшие опоры общественной и частной деятельности, силы, низвергающие и возвышающие народы, пред-

ставляются мыслями повседневного обихода, простыми, естественными взглядами на будничные предметы обычной жизни — мысли такие в нашем образовании не входят в круг жизни и деятельности, — и потому законы и обязанности древних представляются нам в живых образах, в виде *нравов и доблестей*, а не в форме рефлексий и основоположений, на которые мы ориентируемся как на далекие и возложенные на нас предписания. В университете начинается дальнейшее отделение, большая направленность на особенную профессию. Не забывайте же, господа, знаний, полученных в гимназии, отчасти ради их полезности как средств, а отчасти для того, чтобы постоянно поддерживать в себе основное представление о благородной жизни и укрепить в своем сознании прекрасный уголок, в который Вы охотно вернетесь из разобщенности действительной жизни, но из которого Вы выйдете без расслабляющей тоски, без пассивного бессилия мечтательности, а, напротив, укрепленными и свежими для исполнения вашего назначения и избранной деятельности.

Наконец мы переходим ближе к специальной цели этого собрания, к раздаче наград тем, кто особенно отличился в истекшем году, поскольку нам позволяет сделать это предписанное число наград. В этих наградах и в этой торжественности мы также усматриваем заботу и внимание королевского правительства, с которыми оно относится к обучению юношества, всеми средствами поддерживает и поощряет его успехи. Важность хорошего воспитания никогда не чувствовалась сильнее, чем в условиях нашего времени, когда всякую внешнюю собственность, будь она благоприобретенной и законной, приходится считать неустойчивой, а самое прочное — сомнительным, внутренние же сокровища, которые родители дают детям путем хорошего воспитания и использования учебных заведений, являются непреходящими и при всех обстоятельствах сохраняют свою ценность. Это самое лучшее и надежное благо, которого родители могут добиться для своих детей и оставить им в наследство.

Пусть вручаемые награды и этот торжественный акт послужат поощрению прилежания этих юношей,

еще не способных в истинной мере оценить важность дела, которым они занимаются, и важность приобретенных знаний и образования. Этими знаками удовлетворения учителей и учебных советов, знаками, которые они имеют счастье получить из милостивых рук господина Королевского генерального комиссара, уже начинается вознаграждение за благоупотребленные дорогие юношеские годы, равно как и вознаграждение их родителей за затраченные труды и заботы; это — первая награда, и пусть в течение жизни она приносит все большие и все более богатые плоды.